

Рис. 3. Рекламная и сувенирная продукция с символикой чемпионата

Литература

1. Штейнбах В. Л. Олимпийский талисман // Большая олимпийская энциклопедия. М.: Олимпия Пресс, 2006. Т. 2.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН И КРИСТИНА РОССЕТТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Е. М. Мирошникова

Эмили Дикинсон и Кристина Россетти – классики англоязычной поэзии XIX в., ставшие символами викторианской эпохи – эпохи романтизма – для своих стран и прискорбно мало известные читающим на русском. Родившись едва ли не в один день в декабре 1830 г., поэтессы оказались представительницами разных миров: наследница Старого Света и продолжательница его литературной традиции – Россетти, и выросшая в Новом, еще переживающем свое культурное становление, Свете, Дикинсон. Россетти – женщина в черном, Дикинсон – женщина в белом, самая скромная муза прерафаэлитов и «затворница из Амхерста», обе они известны своей склонностью к теме смерти. Это в первую очередь служит поводом для сравнения их творчества в работах англо-американских исследователей, в том числе Ш. Ледер и А. Эббот (см.: «The Language of Exclusion: The Poetry of Emily Dickinson and Christina Rossetti»), К. Оттингер (см.: «The Death-Motif in the Poetry of Emily Dickinson and Christina Rossetti»). Философская, религиозная и пейзажная лирика также занимают значительное место в творчестве поэтесс. Его исследование, сопряженное со сравнением их мировоззрений и поэтического стиля, представляется интересной и новой для нашей науки задачей.

К. Россетти родилась в Лондоне в семье Габриэля Россетти, итальянского поэта и переводчика, исследователя творчества Данте Алигьери. Эмигрировав в Англию из-за своих революционных взглядов, он преподавал итальянский язык в Королевском колледже. Благодаря матери поэтесса получила прекрасное домашнее образование, унаследовав вместе с тем преданность Англиканской Церкви. Ранние литературные опыты Кристины, любимой младшей дочери и сестры, поощряли все родственники, а в особенности старший брат – Данте Габриэль Россетти. Художник, поэт и переводчик, идейный вдохновитель Братства прерафаэлитов, он помогал ей отбирать стихотворения для публикации. Он же сочинил Кристине псевдоним – Элен Эллейн – в соответствии с общим для прерафаэлитов пристрастием к старинным балладам и поэзии Теннисона. Этим именем были подписаны стихотворения Кристины, опубликованные в журнале Братства «Росток» («The Germ»). К тому времени ей исполнилось двадцать, частным образом уже был издан сборник ее поэзии, с 1862 г. последуют и другие.

Иная ситуация была у Э. Дикинсон. Ей пришлось самостоятельно создавать себе условия для творчества в пределах родительского имения в маленьком городке Амхерст, что в Новой Англии. Отец поэтессы, вечно занятой адвокат, несмотря на непонимание, дал Эмили хорошее образование в Академии Амхерста. Э. Дикинсон было около тридцати, когда она стала вести затворнический образ жизни, посвятив себя поэзии, а ее младшая сестра, Лавиния, оставшись жить в одном доме с поэтессой, заботилась о ней. Соседи Эмили, набожные пуритане, считали поэтессу чудаковатой: об основном ее занятии никто не знал, зато знали, что она постоянно носит белое платье и не покидает пределов дома и сада. Дикинсон, однако, вела активную переписку с друзьями, литераторами и журналистами, в том числе с Т. М. Хиггинсоном. Она придавала большое значение общению с ним, просила советов, но не прислушивалась к ним, как не прислушивалась ни к чьему мнению в том, что касалось ее стихов. Короткие, не строго рифмованные, подчиненные простому ритму церковных гимнов, они всегда изобиловали заглавными буквами, тире – и оставались не изданными. За всю жизнь Э. Дикинсон было опубликовано около семи ее стихотворений. Столько же стихотворений Россетти было напечатано в «Ростке» за один только 1850 год.

Обе поэтессы были весьма скрытны в процессе своего творчества: сестра Э. Дикинсон обнаружила масштаб ее творчества только разбирая вещи после похорон поэтессы, а брат Россетти, Уильям, признавался, что, оставаясь с ней в одном доме, никогда не заставлял ее за сочинительством; с детства Россетти не принимала ничьей помощи в творчестве, настаивая на том, что так стихи могут перестать быть ее собственными.

Как отмечает Е. С. Чернокова, «праерафаэлиты определили для себя список "бессмертных" поэтов», в который входили Джон Китс и Элизабет Браунинг [1, с. 29]. Россетти испытывала влияние их тематики, в то время как американская поэтесса, зная и любя ту же поэзию, только вдохновлялась. К. Россетти доверяла только Данте Габриэлю, только его честность готова была терпеть всегда. Он одобрял «темноту», неопределенность в ее поэзии, иногда даже настаивая на удалении последних строф для усиления этих качеств. «Для Россетти жить в мире значит жить с вопросами, ответы на которые могут быть найдены только когда придет конец этого мира, – замечает британский исследователь С. Хамфрис во вступлении к оксфордскому изданию стихов и прозы К. Россетти. – Верно, что в основе поэзии лежит теологическая определенность, но беспокойный ум Россетти более волнует неопределенное» [2, с. 36].

Подобно Дикинсон, со временем Россетти стала вести затворнический образ жизни, но не по своей воле: слабое здоровье, болезнь, влиявшая на внешний облик поэтессы, вынудили ее отдалиться от общества. Еще одной причиной одиночества поэтессы стала ее трактарианская вера: не желая связывать жизнь с католиком или ученым-агностиком, К. Россетти разорвала две помолвки. Что касается публикаций, для К. Россетти они были способом творческой самореализации и источником дохода. Дикинсон же писала, что публикация – «аукцион человеческого ума» и ее может оправдать только бедность («Publication – is the Auction // Of the Mind of Man – // Poverty – be justifying // For so foul a thing» [3, с. 168]), но она не была рождена в семье эмигрантов, где принято было зарабатывать искусством и интеллектуальным трудом.

Праерафаэлиты призывали учиться у природы. Та же идея лежит в основе романтизма в целом и философии эмерсоновского трансцендентализма, в полной мере воспринятого Э. Дикинсон. Для Дикинсон природа – истинный дом, где поэтесса не находит признаков разложения, но чувствует заложенный в земной жизни потенциал, ее величие. «Надо лишь помнить – // Что желудь здесь – // Зародыш лесов // В верховьях небес», – пишет поэтесса (*пер. В. Марковой*) (Needs but to remember // That the acorn there // Is the egg of forests // For the upper air!) [3, с. 158–159]. У Россетти же созерцание природы омрачено сознанием скоротечности юности, тщетности земного существования, его холода и отстраненности. Это можно видеть на примере таких стихотворений, как «Нить жизни» («The Thread of Life») или «Стареет Земля» («Earth grown old»).

Вместе с этими ощущениями «темнота» («obscurity») и «неясность» («inexplicitness»), яркость, сочность языка, чувственность, символизм, глобальность образов, нанизывание звучных эпитетов и метафор не

только воплощают прерафаэлитскую эстетику, но и уподобляют поэзию Россетти поэзии барочной. Роль авторов XVII в. (Шекспира, Милтона) как источника образности Россетти на примере поэмы «Рынок гоблинов» утверждает российская исследовательница Е. С. Чернокова, ссылаясь так же на западного специалиста по поэзии Россетти – Джен Марш (см.: «Christina Rossetti: A Literary Biography»).

Раскрывая тему смерти, поэтессы, обе хорошо знакомые с Писанием, достаточно единодушны. Дикинсон, несмотря на кальвинистское воспитание, не нашла опоры в церковной вере, однако уверенность в существовании бессмертия, следующего за земной жизнью, была ей присуща. Она неизменно чувствует присутствие в мире Светлого Создателя и доверяет Ему, смерть воспринимается ею как безопасный кров, награда за земные труды. Смерть – путешествие, в которое Дикинсон отправляется бесстрашно, Смерть – ее надежный проводник в вечность. «Он ехал тихо – не спешил – // Меня отвлечь сумел // От всех утех — от всех забот // Любезный кавалер – // (пер. А. Величанского) [4, с. 316] («We slowly drove – // He knew no haste // And I had put away // My labor, and my leisure too, // For His Civility – » [3, с. 170]). Россетти тоже создает мистический, призрачный образ доброго проводника, ведущего душу к вечности. У нее он встречается в стихотворении «Up Hill», написанном в форме диалога, где земная жизнь представляется как долгий тяжелый подъем в гору, путь, в конце которого странника ждет награда. Душа, как усталый странник, задает вопросы, а проводник успокаивает и обнадеживает: «На отдых теперь я могу уповать? // О да, ты его нашел. // Но всякому здесь постелют кровать? // Всякому, кто вошел» (пер. М. Лукашкиной) [5] (Shall I find comfort, travel-sore and weak? // Of labour you shall find the sum. // Will there be beds for me and all who seek? // Yea, beds for all who come [2, с. 85]).

В сущности смерти – сна перед жизнью вечной – Россетти не уверена, как и Дикинсон. От этой неизвестности и боязни Судного Дня в словах английской поэтессы ощущается горечь, боль, отчаянная надежда. Подобно Джону Донну, Россетти просит помнить или забыть ее, но не скорбеть слишком сильно.

Таким образом, хотя для Дикинсон смерть – облегчение более незамутненное, общей для нее и К. Россетти остается вера в вечную жизнь как награду, к мысли о которой возвращаются каждый день жизни земной. И хотя Россетти вычитывает меньше истин в природе, обнаруживает больший пессимизм, ее духовным стержнем остается вера в Бога, в ее поэзии ощущается такая же любовь к каждому Его созданию, как и у Эмили Дикинсон. Последняя же выражает подлинно эмерсоновское «доверие к себе», со своим новаторским стилем занимая достойное место в

ряду классиков англоязычной, мировой литературы, в одном ряду с Кристиной Россетти.

Литература

1. Чернокова Е. С. Поэзия Кристины Россетти в контексте эстетики прерафаэлитизма. Харьков, 2004.
2. *Humphries S.* Introduction // *Chr. Rossetti. Poems and Prose.* Oxford, 2008.
3. Американская поэзия в русских переводах. М., 1983.
4. Дикинсон Э. Стихотворения. Письма / пер. с англ. А. Гаврилова. М., 2007.
5. *Россетти К.* Стихи / пер. с англ. М. Лукашкиной // *Иностранная литература.* 2005. № 9. [Электронный ресурс]. Интернет-адрес: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/9/ro4.html>.

ПЕРЕВОД ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Ю. В. Мындыкану

Политическая корректность – лингвокультурологическое явление, получившее почти мировую распространенность. Оно появилась в США благодаря трем общественным движениям: университетскому движению, феминизму и борьбе африканцев и национальных меньшинств за равноправие и дерасиализацию языка [2].

Наиболее емкое и адекватное определение этого термина было дано профессором С.Г. Тер-Минасовой: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [3].

Сегодня в США все, что имеет хоть какое-то отношение к «непохожести» лингвистически «нейтрализуется»:

old age pensioners > senior citizens «пожилые пенсионеры > старшие граждане»; poor > disadvantaged > economically disadvantaged «бедные > лишенные возможностей (преимуществ) > экономически ущемленные»; slums > substandard housing «трущобы > жилье, не отвечающее стандартам» [3].

Так, даже с наступающим Рождеством все чаще стараются не поздравлять, выбирая фразы вроде 'Happy Holidays' – ведь кто-то может праздновать Хануку, а кто-то является ярым атеистом.

Даже зубные щетки продаются очень деликатно: for small teeth, for standard teeth, а больших зубов у носителей английского языка не быва-